

Ян Тао небрежно хмыкнул.

— И впрямь юношеский задор, горячая кровь. До Нас дошли слухи, будто вчера ты из-за какой-то девки из весёлого квартала выбил зуб князю Ци?

— Всё так, Ваше Величество, — отозвался Ян Е. — Однако ваш покорный слуга готов раскошелиться и вставить князю Ци новый зуб — золотой.

Ян Тао коротко рассмеялся.

— На золотой зуб Нам и Самим средств хватит. Из-за подобной чепухи ты забыл о приличиях и разнице в чинах, распустив руки. Видно, все труды мудрецов, что ты читал, пошли псу под хвост. — Император ненадолго умолк, а затем продолжил: — Ян Е, твои недавние доклады Я изучил со всем вниманием. Мой четвертый императорский брат воюет уже два года. Не спорю, ты по нему скучаешь, но и Нам его не хватает. На границе сейчас неспокойно, он постоянно в седле, стяжал немало воинской славы... Всё это Мне ведомо. Однако твоя просьба прислать подкрепление требует крайней осмотрительности. Не то чтобы Я не желал отправить ему войска, но империя Да Янь раскинулась в Срединных равнинах, вокруг полно грозных врагов, и сил на всё не хватает. Ты должен войти в Наше положение. Передай князю Чжао, чтобы и он отнёсся к этому с пониманием.

Ян Е поспешно возразил:

— Ваше Величество, этот доклад подан не по указке князя Чжао. Служа в Военном министерстве, ваш покорный слуга прослышал, что на передовой сложилось отчаянное положение. Просьбы князя Чжао о подкреплении приходят одна за другой, но остаются без ответа. Я размышлял над этим несколько дней и лишь затем дерзнул направить Вашему Величеству прошение — исключительно ради безопасности рубежей. Простите мне мою дерзость, сир... Но я лишь желаю, чтобы империя Да Янь подчинила себе Поднебесную, а Ваше Величество прослыли великим государем, чьё имя прославляли бы в веках. Сейчас границы содрогаются от набегов, а народ объят страхом. О правилах приличий и ритуалах пристало рассуждать в эпоху процветания, когда мечи покоятся в ножнах.

— Я и не утверждал, будто ты действуешь по указке князя Чжао, — отозвался Ян Тао. — Подними голову.

Ян Е послушно поднял взор и посмотрел на статного, красивого правителя. Император вглядывался в его лицо сверху вниз, и его миндалевидные глаза, казалось, искрились скрытым лукавством.

— Стало быть, по-твоему, Ян Е, Я всё ещё не заслужил славы мудрого государя и любви своего народа?

Ян Е слегка приподнял соболиные брови.

"Мудрый ты или нет — сам прекрасно знаешь"

Ян Тао от природы отличался мягкостью и великодушием, в управлении государством полагался на гражданские законы и неустанно наставлял подданных в верности, сыновней почтительности, благопристойности и чести. Посему по всей империи Да Янь, на улицах и в переулках, только и говорили, что о жизнеописаниях добродетельных жен да примерах сыновней любви. Ходили даже слухи о невероятно преданных детях, готовых срезать собственную плоть ради исцеления родителей — этот обычай звался гэгэ ляоцинъ. При дворе сановники, особенно книжники, любили разглагольствовать об этом часами, соревнуясь в красноречии. Ян Тао и сам уверовал в то, что он — идеальный правитель, осыпая милостями своих угодливых советников. Ян Е же, в силу юношеской пылкости, не выносил этого взаимного славословия и лицемерия, а потому частенько сказывался больным, лишь бы не являться во дворец.

Впрочем, император и сам не горел желанием лицезреть его на утренних аудиенциях. Ян Е был слишком молод и порой не держал язык за зубами. Будучи единственным сыном покойного князя Шу, он пользовался особым положением, а Ян Тао, дорожа репутацией милосердного владыки, не мог карать его за каждое неосторожное слово. Так и повелось: государь и подданный питали друг к другу взаимную неприязнь, предпочитая лишний раз не пересекаться.

Ян Тао снисходительно улыбнулся и, не спеша подойдя к драгоценному письменному столу, опёрся о его край.

— Что ж, в твоих словах есть доля истины. Впрочем, судя по твоему поведению, такие понятия, как преданность, сыновний долг и добродетель, для тебя пустой звук. Что же касается подкрепления... О переброске войск судачат многие придворные. Ты далеко не первый, Ян Е, и уж точно не последний. Подобные прошения будут поступать и впредь. Но ответь Мне: откуда взять людей?

Ян Е выпалил без раздумий:

— Чтобы одолеть сицзяских захватчиков, нужна кавалерия. В Центральной императорской гвардии, разделенной на двенадцать корпусов, насчитывается более ста тысяч воинов. Тамошняя легкая конница вполне способна противостоять ордам противника.

Император опешил. Он резко опустил ладонь на стол, растопырив пальцы. Воцарилось тяжелое, затяжное молчание. Лишь спустя долгое время он глухо произнес:

— Маркиз Хуайнань, а ты дерзок. Осмелился замахнуться на самую Центральную императорскую гвардию! И впрямь неразумное дитя, не знающее страха.

— Ваше Величество!.. — взволнованно начал Ян Е.

Однако Ян Тао властным жестом оборвал его:

— Сперва ответь Мне на другой вопрос.

— Спрашивайте, государь. Ваш покорный слуга поведает всё без утайки.

— Почему Мой царственный брат Ян Си до сих пор не женился повторно после того, как его супруга скончалась при родах?

Ян Е успел перебрать в уме множество вариантов, готовясь к суровому допросу о военных делах, но столь личный вопрос застал его врасплох. Ошеломленно замешкавшись на мгновение, он ответил:

— Дело в том... что при жизни супруги князь Чжао души в ней не чаял. Они жили душа в душу. Её безвременный уход ранил его сердце, и в память о покойной он отказывается впускать в дом новую хозяйку.

Когда-то у Ян Си действительно была супруга — единственная дочь покойного канцлера Вэя, причем брак этот благословил сам Ян Тао. Молодые супруги и впрямь жили в согласии и любви, как подметил Ян Е. Беда пришла во время первых родов. Ян Си в тот злополучный день сопровождал императора на охоте по его же воле. Когда весть о тяжелых родах наконец долетела до князя и он сломя голову помчался назад, было уже слишком поздно. Спасти не удалось ни мать, ни дитя. Долгое время поместье князя Чжао оставалось погруженным в глубокий траур. Ян Си впал в черное уныние и лишь спустя годы начал понемногу приходить в себя.

Ян Е не раз уговаривал брата найти новую жену, заявляя, что ему не терпится понынчить племянников и выказать почтение новой невестке, однако Ян Си неизменно хранил молчание. В его покоях жили две наложницы, которые прислуживали ему без особой страсти и лишь изредка делили с ним ложе. Из-за столь прохладного отношения за прошедшие годы у него так и не появилось детей. Князю Чжао уже подходило к тридцати, а он до сих пор не обзавелся наследником.

Император задумчиво прижал палец к подбородку, буравя Ян Е пристальным, пронзительным взглядом. В его собственной голове мысли неслись бурным потоком. Несколько дней назад до него дошел один крайне ошеломляющий слух, в достоверности которого он сомневался. Ян Тао долго разглядывал юношу, размышляя, стоит ли расспрашивать дальше, но пришел к выводу, что ответа всё равно не получит.

Ян Е терпеливо ждал. Наконец император нарушил молчание:

— Твои слова... не вполне убедили Нас. Но Я поразмыслю над этим. А ты подготовь щедрые дары и отправляйся к князю Ци просить прощения. Сделай это сегодня же.

На следующее утро огласили высочайший указ: выделить из состава Центральной императорской гвардии под командованием генерала Правой гвардии Юань Оумина двадцать тысяч легких всадников и направить их на границу на подмогу князю Чжао. Однако в том же указе император повелел, чтобы за подкреплением лично прибыл помощник командующего полевой армией Бэйчэнь Цин.

Придворные не понимали, какую игру затеял повелитель, но поскольку дело касалось князя Чжао, никто не осмелился вставить ни слова.

Узнав об этом решении, Ян Е изумился, но тут же пришел в неописуемый восторг. Он повернулся к своему верному телохранителю Нянь Вэю:

— На днях пришло известие, что Юньци ранен в ногу на поле боя. Интересно, зажила ли рана? Какая жестокость — заставлять его проделывать столь долгий путь обратно в столицу! Ну да ладно, главное, что войска нам дают. Дают людей — это победа! Придется Юньци немного потерпеть.

Последние два года Бэйчэнь Цин неотлучно находился подле Ян Си на рубежах империи. Несмотря на то, что он происходил из сословия рабов, природа наделила его острым умом и недюжинной отвагой. Пока Ян Си руководил действиями войск из штаба, Бэйчэнь Цин лично вел солдат в бой. За свои славные подвиги он снискал на границе славу, которая затмила даже авторитет самого князя Чжао. Слухи о его доблести давно достигли столицы и дошли до императорского слуха.

О скором приезде Бэйчэнь Цина в поместье маркиза Хуайнань стало известно заранее. На рассвете следующего дня Ян Е в сопровождении Чжунли Чжэня и Нянь Вэя выехал из Лояна, опередив встречающих чиновников от императорского двора. Они устроились у северных ворот Баочэнмэнь в томительном ожидании. Завидев вдали конный отряд с развевающимися знаменами, на которых красовался крупный иероглиф «Бэйчэнь», Ян Е прищипорил коня и закричал во весь голос:

— Юньци!

За два года разлуки Бэйчэнь Цин заметно загорел. Одетый в простую, поношенную бирюзовую робу, он мягко улыбался другу в лучах утреннего солнца, и эта теплая улыбка согревала сердце. Позади него ехали три брата семейства Ма, вернувшиеся вместе с ним. Завидев Ян Е, Бэйчэнь Цин попытался спешиться, но невольно потревожил рану и поморщился от боли. Ма Тяньбао поспешил на помощь, но Ян Е бесцеремонно оттолкнул его в сторону и запричитал:

— Юньци! Ты даже хмуришься со столь утонченным благородством, сдержанно и достойно. У меня прямо сердце кровью обливается! Ну-ка, давай я тебя сниму.

С этими словами он ухватил Бэйчэнь Цина за руку, намереваясь взвалить его к себе на спину.

— Полно тебе, Сяо Лан, — замахал руками Бэйчэнь Цин. — Как можно? С чего это ты вздумал меня тащить?

— Пустяки! — фыркнул Ян Е. — Ты проливал кровь на войне, пока я в Лояне маялся от безделья и растрачивал силы по притонам да тавернам. Считай, хоть какая-то польза от меня будет.

Надавив покрепче, он всё-таки устроил друга на своей спине.

Они знали друг друга с десяти лет, и Бэйчэнь Цин давно привык к сумасбродному нраву Ян Е. С самого детства Сяо Лан ни на шаг не отходил от него и вечно устраивал проказы. Годы прошли, они возмужали, но старые привычки остались прежними: Ян Е ни за что не упускал возможности поребачиться.

Пока они шутливо препирались, Бэйчэнь Цин краем глаза заметил приближающуюся процессию чиновников, высланную императором.

— Пощади, молодой господин! — взмолился он. — Опустите меня на землю, живо!

Вывавшись из крепких объятий, он кое-как встал на ноги. Ян Е пришлось уступить, и они вместе с Чжунли Чжэнем бережно подхватили хромящего воина под руки, направляясь навстречу гостям.

Во главе встречающих стоял один из любимчиков императора — помощник министра ритуалов Цзин Хуайюй. На нем было алое чиновничье одеяние, которое висело на его высоком и сухом теле, придавая ему сходство с отрешенным от мира даосским святым. После обмена приветствиями Цзин Хуайюй сощурил узкие глаза и несколько раз пристально окинул взглядом молодых людей. Даже Ян Е, не боявшийся ни бога, ни черта, ощутил легкий холодок за шиворотом под этим липким взглядом.

— Что вы так смотрите на меня, господин помощник министра? — не выдержал он. — Неужто со мной что-то не так?

Цзин Хуайюй приторно улыбнулся:

— Любуюсь вами, маркиз Хуайнань. С каждым днем вы становитесь всё краше и статнее. К тому же ваше влияние на государя растет не по дням, а по часам. Шутка ли — парой слов убедить его направить на рубежи двадцать тысяч гвардейцев! Такого в нашей империи еще не бывало. Подобное доверие сулит вам великое будущее, примите мои поздравления.

Ян Е отродясь не уважал этих столичных шелкоперов, особенно тех, кто увивался у трона. Он

лишь холодно улыбнулся и промолчал, оставив напыщенную речь без ответа.

Цзин Хуайюй ничуть не обиделся. Он грациозно взмахнул широким рукавом и повернулся к Бэйчэнь Цину:

— Генерал Бэйчэнь, вы проделали долгий и утомительный путь. Завтра Его Величество устраивает в вашу честь торжественный прием в Зале Сияющей Добродетели. Извольте явиться к назначенному часу.

— Слушаюсь, — почтительно поклонился Бэйчэнь Цин. — Прошу вас передать Его Величеству государю мою глубочайшую признательность за его щедрость. Я явлюсь без промедления.

Окончив приветствия, процессия двинулась в город. Цзин Хуайюй скрылся за занавесками своего паланкина, а Бэйчэнь Цин и Ян Е поехали следом.

— Юньци, я поеду с тобой, — объявил Ян Е.

Бросив поводья своего скакуна Нянь Вэю, он бесцеремонно взгромоздился на лошадь позади друга. Прильнув к его плечу, он тихо шепнул:

— Тебе не показался странным этот Цзин Хуайюй?

Бэйчэнь Цин едва заметно кивнул:

— Он ведь получил должность недавно? Когда я уезжал из столицы, он служил где-то в провинции, мы прежде не встречались. Зачем он так пристально разглядывал нас? Не к добру это.

Ян Е игриво ущипнул его за талию и хмыкнул:

— Поговаривают, он сведущ в физиогномике. Может, разглядел, что мы с тобой созданы друг для друга, вот и не мог глаз отвести?

Бэйчэнь Цин беззлобно шлепнул его по руке:

— Не болтай глупостей. Пусть смотрит сколько вздумается. Я слышал, император души в нем не чает?

Ян Е презрительно сморщил нос:

— До звания «самого» ему еще далеко. Настоящие фавориты скрыты в тени, подальше от

чужих глаз, простому люду их не показывают. Лучше расскажи, как там мой брат? Раздобрел на казенных харчах или, наоборот, осунулся?

— Да всё такой же, ничуть не изменился, — ответил Бэйчэнь Цин. — Его Высочество передал для тебя кое-какие занятные вещицы, позже отдам. Завтра во дворце нужно держать ухо востро. Скажи, ты уверен, что нам передают именно людей генерала Юань Оумина?

— Да, сведения верные, — кивнул Ян Е. — В Военном министерстве подтвердили, что отправляют конницу, а среди гвардейцев конными полками командует только Юань Оумин. Вот только... — Он замялся. — Всё это кажется подозрительно простым. Может, заглянем к генералу сегодня вечером и прощупаем почву?

<http://bllate.org/book/19546/1951387>